

**ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ:
РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Теории, концепции, парадигмы

**КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ПЕРСОНАЛИЗМА
И РАСШИРЕННОЙ ПСИХИКИ**

Н.И. ГУБАНОВ

*Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень,
Россия*

Н.Н. ГУБАНОВ

*Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия*

Аннотация

В статье дается критика концепции психологического персонализма, согласно которой непосредственным носителем ментальных (психических) явлений служит система перцептивно-предметной деятельности и общественных отношений. Показано, что таким носителем являются нейродинамические системы головного мозга, а перцептивно-предметная деятельность служит одним из условий адекватности чувственного познания. Выявлена необоснованность распространенной в англо-американской философии концепции расширенной психики, признающей наличие ментальных явлений в знаковых системах, которые сейчас используются людьми. Показано, что трансляционные коды как системы внешних знаков не содержат в себе ментальных компонентов и не переносят их, а вызывают последние у субъектов, обладающих значениями знаков.

Ключевые слова: персонализм, эффекторная концепция психического образа, церебрализм, концепция расширенной психики, трансляционные коды, нейродинамические системы.

Губанов Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Тюменского государственного медицинского университета.

gubanov48@mail.ru

Губанов Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.

gubanovnn@mail.ru

Цитирование: *ГУБАНОВ Н.И., ГУБАНОВ Н.Н. (2017) Критический анализ концепций персонализма и расширенной психики // Философские науки. 2017. № 12. С. 88–106.*

Критика персонализма

Проблема пространственной локализации явлений психики имеет длительную историю. В древности она была поставлена как вопрос о том, где находится душа. Были даны и ответы на этот вопрос. Например, Демокрит и Эпикур утверждали, что душа представлена особыми круглыми подвижными атомами, распределенными во всем теле человека, обителью же разумной части души служит грудная клетка. Около 500 г. до н.э. Алкмеоном были описаны глазные нервы и сделано заключение о головном мозге как органе мыслительной деятельности и о нахождении души в этом органе и созерцании ею мира посредством глаз и обнаруженных им нервов [Царегородцев, Шингаров, Губанов 2012, 171]. В дальнейшем многие философы-материалисты, нейрофизиологи, психологи, психиатры развивали положение о центральной мозговой локализации психических (ментальных) явлений.

Однако в последнее время на Западе некоторые философы оспаривают это положение. Так, Д. МакДауэлл [McDowell 2001], М. Беннет и П. Хэкер [Bennet, Haker 2003] утверждают, что мозгу человека нельзя приписывать ментальные качества. Концепция ментальной жизни личности, состоящей из процессов в ее мозговых образованиях, именуется ими церебрализмом. Разрабатываемая концепция названа ими персонализмом. Главная установка персонализма состоит в том, что ментальные качества присущи только личностям, но не мозгу. Д. Бэкхерст пишет: «Персонализм предлагает нам отказаться от “пространственной” логики, представляющей ментальные состояния как сущности... локализованные в органе мышления внутри нас. Местонахождение мыслей личности – не “в” ее мозгу, но там, где эта личность находится (например, в библиотеке или пабе)» [Бэкхерст 2010, 93]. И еще: «Ментальные явления имеют место не “внутри” личности, но представляют собой аспекты ее способа взаимодействия с миром» [Бэкхерст 2013, 50].

Возникают вопросы: как ментальные явления находятся в пабе: во всем его объеме или нет? А если человек выходит из паба, идет по улице и выходит в поле, то ментальные явления заполняют сначала всю улицу, а затем и поле? Подобные вопросы высвечивают всю необоснованность утверждений Бэкхерста.

Необходимо отметить, что взгляды указанных выше западных авторов не оригинальны. Во второй половине ушедшего века отечественные авторы А.Н. Леонтьев, Э.В. Ильенков, Ф.Т. Михайлов, не признавая психику функцией головного мозга, развивали операционально-эффекторную теорию психического образа как дубликата объекта, локализованного во внешнем мире и сформированного совокупностью двигательных актов, которые совершает субъект. Например, Ф.Т. Михайлов так излагал сущность эффективной концепции образа: «Психическое именно во внешнем, лежащем передо мной мире»; «Зрительный образ – это движение глаза по предмету» [Михайлов 1976, 149, 159]. Указанные отечественные авторы полагали, что деятельность, которая состоит из операций, – непосредственный носитель образа.

Положения, близкие к отмеченным выше, разделяли и развивали Д. Пивоваров и К. Любутин. Часть их монографии даже именовалась «Операция как субстанция идеального образа» [Любутин, Пивоваров 2000, 130]. Различие между Леонтьевым и Михайловым, с одной стороны, и Любутиным и Пивоваровым, с другой, заключается в следующем: первые считали деятельность непосредственным носителем чувственных образов, а вторые – носителем всех образов – как чувственных, так и мысленных, т.е. понятий.

Признание перцептивно-предметной деятельности в качестве непосредственного носителя психических образов противоречит данным современной науки. Эти авторы смешивают непосредственного носителя ментальных явлений и условия высокой адекватности чувственных образов. Такие условия представлены перцептивно-предметной деятельностью человека. В нее входят разнообразные манипуляции с вещами, движения частей тела, конечностей, органов чувств и их элементов. Благодаря этим движениям устанавливаются многообразные контакты анализаторов с объектом.

Эффекторная концепция чувственного образа наиболее детально была разработана Леонтьевым. Он отождествлял психическое с перцептивно-предметной деятельностью и рассматривал «уподобление процессов в рецептирующей системе как общий прин-

ципиальный механизм непосредственно чувственного отражения природы воздействующих свойств действительности» [Леонтьев 1965, 175] (выделено нами. — *Н.И. Г., Н.Н. Г.*). Для подтверждения своих положений Леонтьев приводил в пример осязание, в ходе которого рука и пальцы своими движениями воспроизводят форму объекта. Элементы уподобления процессов, составляющих эффекторную часть системы восприятия, имеются при функционировании некоторых органов чувств. Однако это уподобление является одним из условий высокой адекватности чувственного познания, но не является самим психическим явлением. Скольжение глаза по контуру объекта или перемещение руки при ощупывании объекта можно, конечно, назвать отражением. Но это не психическое отражение. При формировании психического образа с высокой адекватностью на самом деле имеется уподобление, однако другое, не то, о котором писал Леонтьев. Образ с высокой адекватностью непосредственно формируется воспроизведением свойств воспринимаемого предмета структурой, воплощенной в соответствующей нейродинамической системе головного мозга. Если глаз скользит по форме предмета или рука охватывает и обследует предмет, то чувственный образ формируется не указанными движениями, а потоками нервных импульсов от зрительных и тактильных рецепторов, а также проприорецепторов мышц, которые осуществляют эти движения. Благодаря этой афферентной импульсации в центральных отделах анализаторов формируется нейродинамическая система, которая и выступает в качестве непосредственного носителя соответствующего психического образа.

Д.И. Дубровским показано, что, согласно разрабатываемому им информационному подходу к проблеме соотношения сознания и мозга, отношение идеального образа к связанному с ним мозговому процессу — это отношение информации к ее коду. И любому явлению психики соответствует свой нейродинамический код — ансамбль возбужденных нервных клеток, производящих импульсы определенной частоты [Дубровский 1971; Дубровский 2002а; Дубровский 2015]. Поэтому только головной мозг порождает ментальные явления. Все же перцептивно-предметные действия (моторные процессы) могут быть представлены в нейрофизиологических системах мозга соответствующей импульсацией от рецепторов, которые фиксируют производимые частями тела, конечностями, органами чувств и их элементами движения [Губанов,

Губанов 2014; Губанов, Губанов 2015]. «Как всякая определенная информация, — отмечает Д.И. Дубровский, — явление субъективной реальности находится в своем коде, который представляет собой нейродинамическую систему, обладающую конкретными пространственными и временными свойствами» [Дубровский 2002б, 100].

Рецепторы, афферентные нервы и мышцы наряду с другими периферическими по отношению к мозгу образованиями, связанными с анализаторами, носителями чувственных образов быть не могут. К примеру, зрительные ощущения возможны и без наличия периферического отдела анализатора. «Зрительные галлюцинации могут возникать даже после двухсторонней энуклеации глаз, а акустические — после двухсторонней перерезки слуховых нервов» [Ушаков 1957, 562]. Галлюцинаторные образы нельзя истолковать как систему операций с предметами, ибо предметы в данном случае отсутствуют: галлюцинации возникают не из-за взаимодействия человека с каким-либо предметом, а в результате внутренней актуализации образа и его проецирования вовне. Картины сновидения — тоже результат внутренней актуализации образов, а не каких-либо предметных действий. Весьма убедительное эмпирическое подтверждение локализации психических явлений в головном мозге получено при непосредственном раздражении электрическим током мозга человека. При этом возникали ощущения и другие ментальные феномены. Они имели различную модальность: были зрительными, если раздражалась затылочная область коры, слуховыми при раздражении височной доли, соматическими при воздействии на постцентральную извилину коры [Губанов, Губанов 2016а, 45–46].

Возможность возникновения зрительных ощущений и восприятий без участия моторных процессов была показана в опытах по обездвижению глазных мышц, полученному с помощью инъекции большой дозы курарэ [Дубровский 1971]. О том, что ментальные явления локализованы в головном мозге и что операционально-эффекторная концепция неприемлема свидетельствует факт наличия фантомных ощущений и болей. После ампутации конечности человек нередко чувствует ее, пытается ею двигать и пользоваться. Фантомные боли не устраняются ни новокаиновой блокадой, ни резекцией невромы, но хирургическое удаление определенных участков коры головного мозга приводит к их исчезновению. Положительный результат был получен также при электрическом

раздражении определенных участков коры головного мозга [Губанов, Губанов 2016а, 46].

Этот массив эмпирических данных показывает, что перцептивно-предметная деятельность не является необходимой для возникновения психического образа, для этого необходимо и достаточно, чтобы произошло возбуждение центрального отдела анализатора. А перцептивно-предметная деятельность структурирует уже возникшие ощущения, способствует формированию восприятий с высокой степенью адекватности и участвует в обеспечении целенаправленности познавательной активности. В качестве непосредственного условия адекватности чувственного образа выступает соответствие структуры познаваемого объекта структуре определенной нейродинамической системы головного мозга, которая представляет собой носитель этого образа.

Вопреки Д.В. Пивоварову и К.Н. Любутину, совокупность предметных действий нельзя признать в качестве носителя не только чувственных образов, но и мысленных, существующих в форме понятий и их сочетаний. В ходе филогенеза при отражении предметной деятельности происходило становление логики мышления. В течение первых детских лет в онтогенезе отражение предметной деятельности играет некоторую роль в становление логики понятийного мышления, хотя в главном она возникает посредством ассимиляции уже имеющихся форм логики в процессе коммуникации и овладения ребенком речью. Итак, предметная деятельность служит одним из условий исторического и индивидуального становления понятийного мышления. В качестве же непосредственного носителя мышления выступают определенные нейродинамические системы головного мозга. Это подтверждается тем, что после возникновения мышление способно функционировать и при отсутствии всяких движений. Несостоятельность признания предметных операций носителем мысленных образов становится ясной, если поставить, например, такие вопросы: какая структура предметных операций может смоделировать строение атома, сущность добра, истины, красоты? То, что можно отнести к некоторым аспектам филогенетического и онтогенетического становления формально-логической стороны сознания, нельзя распространять на содержание сознания.

Сторонники концепции персонализма не учитывают следующие научные положения. Центр обработки информации при чувственном и рациональном познании человека – головной мозг. Он

осуществляет синтез всей информации (производит афферентный синтез, по П.К. Анохину), на основе чего им принимается решение о необходимости деятельности. Для получения информации, недостающей для решения проблем, стоящих перед человеком, мозг включает перцептивно-предметную и интеллектуальную деятельность (движения головы, глаз, рук, поиск и чтение научных трудов, справочников, руководств и др.). Но ментальности нигде, помимо нейродинамических систем головного мозга, нет. Конструктивная постановка проблемы «деятельность личности — мозг» может заключаться в следующем: какие функции выполняет мозг и какие функции выполняют разные виды перцептивно-предметной деятельности и социальные отношения в познании мира и развитии личности.

Несмотря на то, что концепция персонализма противоречит научным данным, она распространяется и пропагандируется в нашей стране и за рубежом. Так, не один раз переизданы в нашей стране и за рубежом книги Э.В. Ильенкова, А.Н. Леонтьева, Ф.Т. Михайлова с хвалебными предисловиями. Их концепции активно поддерживаются и насаждаются в умах молодых философов, они имеют многих сторонников, что хорошо видно в «Ильенковских чтениях». Это формирует у молодых философов пренебрежение к использованию научных знаний, которое они именуют позитивизмом и не понимают, что только наука с ее строгими критериями истинности из всех сфер культуры дает самое объективное знание. И без его использования верификация философских положений невозможна, а философия превращается в схоластику.

Обратим внимание на еще один изъян концепции персонализма. Вслед за Э.В. Ильенковым Д. Бэкхерст полагает, что признание по его терминологии «церебрализма», т.е. головного мозга носителем психических явлений, означает и признание генетической обусловленности психики, в том числе интеллекта человека. А это, по их мнению, означает признание ограниченных возможностей образования, поскольку постулируется генетическая запрограммированность интеллектуальных способностей. [Ильенков 2002, 66–67; Бэкхерст 2013, 51–52]. Ильенков утверждал, что только социальные факторы имеют отношение к объяснению способностей и достижений и что горизонт способности ребенка к обучению неограничен. Бэкхерст выражает некоторое сомнение в отношении истинности крайней позиции Ильенкова, но конкретных положений о роли наследственности в становлении интеллекта

не формулирует [Бэкхерст 2013, 60–61]. Опасения персоналистов по поводу снижения возможностей образования основаны на неверном понимании детерминации способностей. Генотип обуславливает не величины способностей, а величины задатков и их структуру. Задатки – это природная одаренность человека, они представляют собой возможности формирования на их основе способностей. Степень реализации задатков определяется условиями обучения, воспитания и самовоспитания. В структуре задатков какой-либо из них (поэтический, музыкальный, математический, организационный и др.) может быть выражен больше других. Он обуславливает повышенную склонность человека к соответствующей деятельности, которая явится его призванием. Предполагается, что каждый человек обладает индивидуальным профилем одаренности – качественно своеобразным соотношением величин задатков. Главная задача профессиональной ориентации – определение призвания человека, т.е. вида деятельности, соответствующего наиболее выраженному задатку [Губанов, Губанов 2016б]. Профорентация отвечает как интересам общества, позволяя наиболее эффективно развивать и использовать способности людей, так и личности, делая возможным для нее достижение глубокого творческого удовлетворения в труде и максимального жизненного успеха, что относится к важным составляющим счастья. Концепция же персонализма, не признающая генетической составляющей детерминации интеллекта и наличия индивидуального профиля одаренности, не может обеспечить меры по максимальной реализации творческого потенциала личности. Таким образом, персонализм, ратуя за развитие личности, на деле создает методологические трудности для формирования эффективной системы образования.

Критика концепции расширенной психики

В последнее время на Западе активно обсуждается и распространяется концепция расширенной психики, авторами которой являются Д. Чармерс и Э. Кларк. В своем совместном сочинении «Расширенная психика» они отмечают, что в определенных ситуациях элементы человеческой психики расширяются в окружающий мир за пределы человека. Некоторые объекты в окружающей среде, по их мнению, функционируют как часть ума [Clark, Chalmers 1998, 7–19]. Своей работой они привлекли внимание многих когнитивистов, психологов, философов и вызвали оживленную дискус-

сию. Ее результаты нашли частичное отражение в коллективной монографии «Расширенная психика» [Menary (ed.) 2010]. Чалмерс и Кларк были поддержаны другими авторами.

Например, Д. Деннет в сочинении о типах психики предположил: первопричиной того, что у гоминид более высокий интеллект, чем у других видов, служит не бóльшая вместимость их мозга, его большая насыщенность способностями (несколько бóльшая, чем у обезьян, но меньшая в сравнении с дельфинами и китами), а более эффективное умение помещать когнитивные процессы, и мысли в том числе, в окружающую нас среду, которая способна хранить, преобразовывать и по-новому выражать наши мысли. По мнению Деннета [Деннет 2004, 140], способность такого вынесения ментальных явлений вовне позволяет нам преодолевать ограниченность нашего мозга.

Подобные положения о выходе психических процессов за границы мозга в окружающую среду высказывались и другими авторами. Но самыми активными сторонниками этой идеи являются Кларк и Чалмерс. Своему подходу они дали наименование «активный экстернализм». Они отмечают: «Мы будем утверждать, что убеждения могут быть частично конституированы свойствами среды, когда те играют правильную роль в управлении когнитивными процессами. И если это верно, то психика расширяется в мир» [Clark, Chalmers 1998, 12]. Они иллюстрируют свою концепцию таким мысленным примером. Инга, узнав от друга, что музей искусства организовал выставку, решила осмотреть ее. Вспомнив адрес музея, она отправляется туда. Далее иная ситуация. Страдающий болезнью Альцгеймера Отто, как и другие лица с этой болезнью, для того чтобы совершать адекватные поступки, пользуется информацией, находящейся в среде. При Отто всегда находится его записная книжка. Для него она заменяет биологическую память. Узнав от знакомых о выставке, он, как и Инга, решил осмотреть ее. Он раскрывает книжку, находит там адрес музея и отправляется по этому адресу. Этот пример позволяет Кларку и Чалмерсу утверждать о нахождении некоторых элементов психики (т.е. ментальных факторов) в записной книжке Отто.

Эта концепция «активного экстернализма» основана на неверном понимании сущности знака, значения и коммуникации. Случай с Отто не является уникальным, поскольку все люди используют те или иные информационные средства: айфоны, компьютеры, навигаторы, атласы, тетради, книги, справочники и

др. Эти средства необходимы людям для совершения адекватных действий. Принципиальной разницы между Ингой и Отто нет, они различаются только объемом памяти. Отто не помнит адрес музея, а Инга помнит. Но Инге незнакомы адреса других заведений (парикмахерских, кафе и др.). И она использует справочник. С этой точки зрения она совсем не отличается от других людей и от Отто. В памяти Отто адреса музея нет, однако он помнит о наличии этого адреса в записной книжке. Помнит он и значения слов книжного текста. Справочник Инги, тексты Отто и других людей – это кодовая репрезентация информации, системы знаков, в которых никаких психических элементов, в том числе мыслей, нет. Если Отто и Инга обладают знанием значений этих знаков, то последние актуализируют знания в сознании этих лиц. Таким образом, при пользовании внешними кодами психика человека никуда за его пределы не выходит. Трансляционные коды, представленные системами знаков, выступают не в качестве носителя психических явлений, а в качестве условия их актуализации.

В трансляционных кодах компоненты идеального в отличие от определенных внутриличностных кодов (нейродинамических систем головного мозга) отсутствуют. Внешние коды не обладают субъективным проявлением, внутренней обращенностью. К примеру, книга, напечатанная в прошлом веке, как и в наше время, не содержит в себе знания, как не содержит и каких-либо моментов идеального. Она обладает лишь возможностью актуализировать у субъекта соответствующие ментальные явления. Содержание сознания представлено информацией в форме идеальных (ментальных, психических) явлений. А в книге информация в таком виде отсутствует. Идеальные образы автора книги не переходят в нее, но выражаются в форме совокупности знаков. И содержание книги – не знание и не сознание, а совокупность знаков, которая является не отражением действительности, а только ее кодовой репрезентацией. А отражение действительности – это значения знаков кода, представленные идеальными образами (ощущениями, восприятиями, представлениями, понятиями), которые локализованы в головах субъектов. Знания, которых нет в книге самой по себе, вызываются в голове читателя под действием знаков книги. Если после прочтения книги говорят, что она содержит какую-либо теорию, то к книжным знакам бессознательно прибавляются смысловые значения, которые имелись у читателя. А в книге эти значения отсутствуют. Мнимый характер представления о содер-

жании в книге идеальных значений (мыслей, образов и др.) с легкостью обнаруживается, к примеру, если с книгой будет иметь дело человек, который не знает значений книжных слов. Для этого читателя книга будет, как говорят, за семью печатями: он не способен сообщить об идеях и теориях, выраженных в ней. При восприятии знака у субъекта актуализируется только то значение, которое он знает, а при восприятии кода как системы знаков, например, текста, возникают новые связи между значениями, соответствующие отношениям между знаками в коде. В результате этого субъект приобретает новые знания и усваивает новые значения.

Изложенное показывает, что схема коммуникативного акта такова: ментальные образы у передающего сообщение — кодовое преобразование (выражение образов) — система материальных знаков в канале связи — кодовое преобразование у реципиента (актуализация значений и возникновение новых связей между ними) — ментальные образы у реципиента. Реципиентом может быть и сам автор, как это было у Отто, читавшего свой текст. Итак, ментальные образы, входящие в состав индивидуального и общественного сознания, имеются лишь на начальном и конечном звеньях системы коммуникации, а вне субъектов они не существуют.

Актуализация значения и соотнесение знака с денотатом происходят в виде бессознательной ассоциации: восприятие знака представляется реципиенту как образ самого денотата. Это порождает, по нашему мнению, довольно распространенную и имеющую многолетнюю историю иллюзию о том, что значение содержится в самом знаке. Например, А.М. Минасян еще в 1974 г. писал, что «знак является единством идеального содержания и материального средства его выражения» [Минасян 1974, 47]. Это привело его к заключению о наличии идеальной сущности у материальных предметов культуры самих по себе, без человека. Подобное положение высказывал также К. Поппер, считавший, что в знаках на бумаге имеется объективное знание, составляющее особый третий мир [Поппер 1983, 450–451]. Он предлагал такой мысленный эксперимент: человечество исчезло, а библиотеки сохранились. Тексты этих книг могли подвергнуться дешифровке, к примеру, инопланетянами. На взгляд Поппера, это свидетельствует о том, что в книгах объективно содержится знание. Инопланетяне действительно могут подвергнуть земной текст дешифровке. Но только если в нем будут в наличии некоторые понятные им знаки и модели (диаграммы, схемы, чертежи, иллюстрации, графики,

научные формулы, которые должны быть инвариантными для всех миров, поскольку законы природы едины). Другим элементам текста значения будут приписаны. Интересно отметить, что положение Поппера о присутствии в знаках знаний находится в противоречии с его положением о внепространственности и вневременности третьего мира. Было бы логичным считать, что если знание содержится в знаках, то оно находится в пространстве, а именно в пространстве, которое занимают знаки.

Это заключение было бы, конечно, неверным, поскольку местом локализации значений служит мозг субъекта. Но оно выявляет противоречие у Поппера: то он утверждает, что знание находится в знаках, то отмечает, что оно нигде не находится и существует вне пространства и времени. Удивительно, что многие современные отечественные философы, пребывая, видимо, под гипнозом авторитета Поппера, некритически и даже с почтением воспроизводят его необоснованные положения, особенно его тривиальную и неверную идею третьего мира, существующего неизвестно где. На самом деле так называемый и разрекламированный третий мир есть теоретический уровень научного познания, существующий не неизвестно где, а во множестве сознаний ученых, локализованных в их мозгах.

По справедливому замечанию А.М. Анисова, «тексты сами по себе — мертвые груды клякс на бумаге. Даже если в результате ее функционирования удалось получить за приемлемый промежуток времени нечто достойное внимания, то это означает лишь, что нашлась комбинация синтаксических значков, которой можно приписать смысл, т.е. его там не было, он был сопоставлен значкам в тот момент, когда текст был прочитан... Изначально текст как физический объект лишен семантических характеристик» [Анисов 2001, 110]. Анисов прав в том, что в текстах и других артефактах знания нет. «Оно целиком принадлежит ментальному миру» [Анисов 2001, 111]. Но нельзя согласиться с его аналогией о том, что «отношение знаний к текстам примерно такое же, как отношение мозга к мышлению... Разделяемая многими мысль о том, что в физических значках воплощены ментальные объекты, сродни не менее широко распространенной мысли, что в нейронах, синапсах и прочих структурах мозга скрыта тайна мышления. Эти точки зрения ошибочны» [Анисов 2001, 111]. Буквенные значки и другие трансляционные коды, сотворенные людьми, действительно не содержат в себе никаких идеальных компонентов, в

том числе значений. Но совсем другую картину представляют собой центральные нейродинамические коды людей и высших животных. Это пока единственный из известных тип кодов, обладающий способностью внутренней обращенности, субъективного проявления. Информация, содержащаяся в нейродинамических кодах, переживается людьми или животными как различные ментальные явления. Нейродинамические коды головного мозга служат местом, в котором зарождаются ощущения и все другие психические переживания. По этой-то причине расшифровка нейродинамических кодов – магистральное направление в изучении проблемы «сознание и мозг».

Позиция третьего лица (внешнего наблюдателя) позволяет представлять информационный процесс в мозге как чисто объективный: это лицо никаких мыслей, ощущений и иных психических явлений в нервной системе другого человека не найдет. Г. Лейбниц в свое время писал: вы можете представить сильно увеличенный мозг и вступить в него как в мельницу, увидеть, что там происходит, но не найдете что-либо, что было бы мышлением [Лейбниц 1982, 415]. Первому же лицу – субъекту саморефлексии – информационный мозговой процесс представляется субъективным: он переживается им как эмоции, мышление, ощущения и другие психические явления. При этом, носитель этих психических явлений для субъекта скрыт: человек не чувствует, что его ощущения и мышление осуществляются в мозге. Это, кстати, служит одной из причин иллюзии о внепространственности психики. Каким образом происходит субъективное проявление информационного материального процесса, т.е. каким образом материя становится вначале ощущающей, а впоследствии и мыслящей, еще неизвестно. Пока можно лишь допустить возможность приобретения информационными процессами в ходе эволюции способности к порождению психики по достижении ими некоторой критической степени сложности.

Иллюзия о содержании ментального значения в знаке и тексте как их совокупности проявилась в языке, обусловив выражение «знак обладает значением». И.С. Нарский [Нарский 1970, 56] показал, что «знак не может существовать без значения», вместе с тем «оно не может находиться “внутри” материала знака». «Разрешение антиномии “значение находится и не находится в знаке” может быть следующим: значение, идеальное по своей природе, локализовано в субъекте (в нейродинамических кодах его головного

мозга), но актуализируется оно знаком. Оно является свойством не одного субъекта и не одного знака, а всей знаковой ситуации» [Губанов, Губанов 2016а, 124]. Поэтому следовало бы говорить не «Знак обладает значением», а «Значение, соответствующее знаку».

Вызывает сожаление тот факт, что представителям англо-американской аналитической философии не знакома наша отечественная философия, в которой уже давно раскрыт кодово-семиотический механизм коммуникации, природа знака и значения в работах И.С. Нарского [Нарский 1969; 1970], В.С. Тюхтина [Тюхтин 1972], Д.И. Дубровского [Дубровский 1975]. В свете их трудов рассуждения о «внешних убеждениях» Отто представляются как несколько наивные и устаревшие более чем на сорок лет. Сторонники теории расширенной психики повторяют ошибку А.М. Минасяна, который еще в 1974 г. писал, что в артефактах непосредственно локализованы явления сознания, сохраняющиеся там и в отсутствие людей. По его мнению, идеальные сущности содержит даже клинописный текст исчезнувшей цивилизации [Минасян 1974]. Выход психики на границы центральной нервной системы, точнее возникновение новых видов сознания и интеллекта, возможно лишь при создании искусственной информационной системы, сложность которой сравнима со сложностью мозга. Быть может, такая система приобретет способность выполнять творческую работу, решать нравственные проблемы и в итоге станет личностью. Представители движения «Россия 2045» предполагают, что возможно использование искусственной системы для того чтобы переместить в нее духовный мир, т.е. души, существующих людей. Это предположение реалистично, поскольку не противоречит двум философским принципам: 1) сознание – функция высокоорганизованной материи; 2) все сущности познаваемы, в том числе и закономерности работы мозга.

Учет изложенных в нашей работе положений может способствовать разработке магистрального направления в исследовании проблемы «сознание и мозг» – направления по расшифровке нейродинамических кодов явлений сознания, что, в свою очередь, может вызвать существенные изменения в социуме.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Анисов 2001 – *Анисов А.М.* Типы существования // Вопросы философии. 2001. № 7.

Бэкхерст 2010 – *Бэкхерст Д.* Еще раз о «Загадке человеческого я» // Вопросы философии. 2010. № 8.

Бэкхерст 2013 – *Бэкхерст Д.* Психика, мозг и образование // Вопросы философии. 2013. № 11.

Губанов, Губанов 2014 – *Губанов Н.И., Губанов Н.Н.* О пространственных свойствах ментальных явлений // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2014. № 3 (15).

Губанов, Губанов 2015 – *Губанов Н.И., Губанов Н.Н.* Субъективная реальность и пространство // Вопросы философии. 2015. № 3.

Губанов, Губанов 2016а – *Губанов Н.И., Губанов Н.Н.* Ментальное и физическое пространство. – М.: Этносоциум, 2016.

Губанов, Губанов 2016б – *Губанов Н.И., Губанов Н.Н.* О биологической, социальной и личностной детерминации нравственности и криминального поведения // Социум и власть. 2016. № 2 (58).

Деннет 2004 – *Деннет Д.* Виды психики: на пути к пониманию сознания. – М.: Идея-Пресс, 2004.

Дубровский 1971 – *Дубровский Д.И.* Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. – М.: Наука, 1971.

Дубровский 1975 – *Дубровский Д.И.* Проблема расшифровки нейродинамического кода психических явлений // Вопросы философии. 1975. № 6.

Дубровский 2002а – *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. – М.: Канон+, 2002.

Дубровский 2002б – *Дубровский Д.И.* Проблема духа и тела: возможности решения // Вопросы философии. 2002. № 10.

Дубровский 2015 – *Дубровский Д.И.* Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение. – М.: Канон+, 2015.

Ильенков 2002 – *Ильенков Э.В.* Школа должна учить мыслить. – М.: Изд-во Московского Психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2002.

Лейбниц 1982 – *Лейбниц Г.* Монадология // *Лейбниц Г.* Соч. В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1982. С. 413–429.

Леонтьев 1965 – *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 2-е изд. – М.: Мысль, 1965.

Любутин, Пивоваров 2000 – *Любутин К., Пивоваров Д.* Синтетическая теория идеального. – Екатеринбург, Псков: Изд-во Псковского областного института повышения квалификации работников образования, 2000.

Н.И. ГУБАНОВ, Н.Н. ГУБАНОВ. Критический анализ концепций персонализма...

Минасян 1974 – *Минасян А.М.* Диалектический материализм (учение о сознании). – Ростов на Дону: Изд-во Ростовского университета, 1974.

Михайлов 1976 – *Михайлов Ф.Т.* Загадка человеческого Я. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1976.

Нарский 1969 – *Нарский И.С.* Диалектическое противоречие и логика познания. – М.: Наука, 1969.

Нарский 1970 – *Нарский И.С.* Проблема значения знака // Современные проблемы теории познания диалектического материализма. Т. 2. – М.: Мысль, 1970.

Поппер 1983 – *Поппер К.* Логика и рост научного знания (избр. работы). – М.: Прогресс, 1983.

Тюхтин 1972 – *Тюхтин В.С.* Отражение, системы, кибернетика: теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. – М.: Наука, 1972.

Ушаков 1957 – *Ушаков Г.К.* Галлюцинации // Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1957.

Царегородцев, Шингаров, Губанов 2012 – *Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И.* Философия. – М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2012.

Bennet, Hasker 2003 – *Bennet M., Hasker P.* Philosophical Foundations of Neuroscience. – Oxford: Blackwell Publishing, 2003.

Clark, Chalmers 1998 – *Clark A., Chalmers D.* The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol. 58 (1). P. 7-19.

McDowel 2001 – *McDowel J.* Meaning, Knowledge and Reality. – Cambridge: Harvard University Press, 2001.

Menary (ed.) 2010 – *Menary R., ed.* The Extended Mind. – Cambridge: MIT Press, 2010.

**CRITICAL ANALYSIS OF THE CONCEPTS
OF PERSONALISM AND EXPANDED PSYCHE**

N.I. GUBANOV

Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia

N.N. GUBANOV

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

Summary

The article criticizes the concept of personalism, according to which the immediate bearer of mental (psychic) phenomena is the system of percep-

tive-objective activity and social relations. It shows that such a carrier is the neurodynamic systems of the brain, and perceptive-objective activity serves as one of the conditions for the adequacy of sensory cognition. It also reveals the groundlessness of the concept of an extended psyche, widespread in Anglo-American philosophy, recognizing the presence of mental phenomena in sign systems, which are now used by people. The authors show that translational codes as systems of external signs do not contain mental components and do not transfer them, but cause the latter in subjects possessing sign values.

Keywords: personalism, effector concept of the mental image, cerebralism, the concept of the expanded psyche, translational codes, neurodynamic systems.

Gubanov, Nikolai I. – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and History of Tyumen State Medical University, Tyumen.

gubanov48@mail.ru

Gubanov, Nikolai N. – D.Sc. in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Bauman Moscow State Technical University.

gubanovnn@mail.ru

Citation: GUBANOV N.I., GUBANOV N.N. (2017) Critical Analysis of the Concepts of Personalism and Expanded Psyche // *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 12, pp. 88-106.

REFERENCES

Anisov A.M. (2001) Types of Existence. In: *Voprosy Filisofii*. 2001. Vol. 7, pp. 100-112 (in Russian).

Bakhurst D. (2010) Once again about the “Riddle of the human I” (Russian Translation in: *Voprosy Filisofii*. 2010. Vol. 8, pp. 88-96).

Bakhurst D. (2013) Psychic, Brain and Education (Russian Translation in: *Voprosy Filisofii*. 2013. Vol. 11, pp. 50-65).

Bennet M, Hasker P. (2003) *Philosophical Foundations of Neuroscience*. Blackwell Publ., Oxford.

Clark A., Chalmers D. (1998) The Extended Mind. In: *Analisis*. 1998. Vol. 58 (1), pp. 7-19.

Dennett D. (1997) *Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness* (Russian Translation: Idea-Press, Moscow, 2004).

Dubrovsky D.I. (1971) *Psychic Phenomena and the Brain: a Philosophical Analysis of the Problem in Connection with Certain Problems of Neurophysiology, Psychology and Cybernetics*. Nauka, Moscow (in Russian).

Dubrovsky D.I. (1975) The Problem of Decoding the Neurodynamic Code of Psychic Phenomena. In: *Voprosy Filosofii*. 1975. Vol. 6, pp. 38-50 (in Russian).

Dubrovsky D.I. (2002) *The Problem of the Ideal. Subjective Reality*. Canon +, Moscow (in Russian).

Dubrovsky D.I. (2002) The Problem of Spirit and Body: the Possibilities of Solution. In: *Voprosy Filosofii*. 2002. Vol. 10, pp. 92-107 (in Russian).

Dubrovsky D.I. (2015) *The Problem of Consciousness and the Brain: A Theoretical Solution*. Canon +, Moscow (in Russian).

Gubanov N.I., Gubanov N.N. (2014) On the Spatial Properties of Mental Phenomena. In: *Bulletin of the P.P. Ershov Ishim State Pedagogical Institute*. 2014. Vol. 3 (15), pp. 90-96 (in Russian).

Gubanov N.I., Gubanov N.N. (2015) Subjective Reality and Space. In: *Voprosy Filosofii*. 2015. Vol. 3, pp. 45-54 (in Russian).

Gubanov N.I., Gubanov N.N. (2016). *Mental and Physical Space*. Ethno-society, Moscow (in Russian).

Gubanov N.I., Gubanov N.N. (2016) On the Biological, Social and Personal Determination of Morality and Criminal Behavior. In: *Social Life and Power*. 2016. Vol. 2 (58), pp. 41-46 (in Russian).

Ilyenkov E.V. (2002) *The School Must be Taught to Think*. Moscow Psychological and Social Institute Publ., Moscow; MODEC, Voronezh (in Russian).

Leibniz G. (1982) *Monadology* (Russian Translation in: Leibniz G. Works. in 4 volumes. Vol. 1. Mysl, Moscow, 1982, pp. 413-429).

Leontiev A.N. (1965) *Problems of Development of the Psyche*. 2nd edition. Mysl, Moscow (in Russian).

Lyubutin K., Pivovarov D. (2000) *Synthetic Theory of the Ideal*. Pskov Regional Institute of Improvement of Professional Skill of Educators, Pskov, Ekaterinburg, (in Russian).

McDowel J. (2001) *Meaning, Knowledge and Reality*. Harvard University Press, Cambridge.

Menary R., ed. (2010) *The Extended Mind*. MIT Press, Cambridge.

Minasyan A.M. (1974) *Dialectical Materialism (the Doctrine of Consciousness)*. Rostov University Publ., Rostov on Don (in Russian).

Mikhaylov F.T. (1976) *The Riddle of the Human Self*. 2nd edition. Politizdat, Moscow (in Russian).

Narskiy I.S. (1969) *Dialectical Contradiction and the Logic of Knowledge*. Nauka, Moscow (in Russian).

Narskiy I.S. (1970) The problem of the meaning of the sign. In: *Modern Problems of the Theory of Cognition of Dialectical Materialism*. Vol. 2. Mysl, Moscow (in Russian).

Popper K. (1983) *Logic and the Growth of Scientific Knowledge (Selection of Works)*. Progress, Moscow (Russian Translation).

Tsaregorodtsev G.I., Shingarov G.X, Gubanov N.I. (2012) *Philosophy*. Modern Humanitarian University Publ., Moscow (in Russian).

Tyukhtin V.S. (1972) *Reflection, Systems, Cybernetics: the Theory of Reflection in the Light of Cybernetics and the Systems Approach*. Nauka, Moscow (in Russian).

Ushakov G.K. (1957) *Hallucinations*. In: *The Great Medical Encyclopedia*. 3rd edition. Vol. 4. Soviet Encyclopedia, Moscow (in Russian).